

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

В. Г. Федотова

ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Изучение модернизационных процессов теоретически осуществляется социальными науками, работающими с идеальными типами. Так, имеющиеся модели модернизации — вестернизация, догоняющая и национальная — предстают в них как некие абстрактные схемы развития, различающиеся между собой, но лишённые внутренних оттенков и черт, которые невозможно понять, не обращаясь к историческим и культурным особенностям страны, о развитии которой идёт речь. В данной статье ставится задача показать на материале российской истории значение модернизации и её этапов в историческом развитии России, позволяющая содержательно дифференцировать абстрактные модели модернизации, выделить их конкретные проявления в российской истории. Мне хотелось бы преодолеть убеждение о том, что исконная традиция российского развития не связана с модернизацией. Вызывает сомнение и отсчёт начала современного общества в России с Петра Первого, а так же неразличение истории и современности при периодизации русской истории. Для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть соотношение архаики, традиции и инновации и обратиться к их учёту при периодизации российской истории путём нахождения доминирующего компонента — архаики, традиции или инновации. Я хотела бы предложить периодизацию русской истории в соответствии с этапами модернизации, сознавая при этом, что не может быть ни единственной, ни единственно верной периодизации. Периодизация по иным критериям имеет все предпосылки для своего существования, более всего отвечает целям постижения прошлого, но не задачам, характеризующим проблемы российской современности. Россия

историческая и Россия современная – вот то, что я хотела бы, прежде всего, различить в отечественной истории, подобно тому, как это сделано в отношении Запада.

Методологически важным является то, что факты философа – это теории, а не события. По отношению к исторической науке, где теоретический уровень часто отсутствует, это – не события истории, а концепции истории, которые становятся для меня материалом реконструкции реальной истории России под указанным углом зрения.

Архаика, традиция, инновация в российском развитии

Многие учёные к признакам архаики, часто совпадающим с чертами феодального прошлого России или, по крайней мере, сконцентрированным здесь, относят разные вещи, но всегда это – нечто укоренённое, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социокода, который глубоко впитался в психику и культуру народа. Однако черты феодальных отношений становятся достаточно зримыми в сегодняшней России. По мнению А. Рябова, архаика является проявлением неких архетипических социальных практик, заимствованных из исторических образцов прошлого, главным образом феодальной эпохи, общества аграрного типа. И в современных обществах не просто реанимируются, но строятся структуры, воспроизводящие феодальный архетип. Иногда это происходит безо всякого восхищения данными образцами, иногда они становятся объектами сознательного подражания. Сегодня, – считает он, – архаические начала всплывают через практику своего рода «кормления», когда феодальный чиновник, ничего не получая (и теперь чиновник получает малую зарплату), «кормится» со своего поста. Сюда же относится лишение домовладельцев земли, а также скупка богатыми земель вместе с населяющими их людьми, которые становятся крепостными нового «помещика», а так же антиэгалитарные позиции элиты, с удовольствием принимающей сословную этику. Отличительной чертой архаических отношений выступает подчинение экономики политике, ставка на силу и привилегии. Как пишет этот

автор, «список подобных явлений, по логике несовместимых с реалиями индустриальной страны начала ХХI в., при желании можно было бы продолжить. И хотя в реальной жизни все эти явления выглядят изолированными, не связанными между собой, есть основания полагать, что они имеют общие корни» [1, с. 4]. При этом отмеченные прочие архаические черты чаще всего не являются результатом направленных усилий или поставленных целей, а выступают как побочные продукты деятельности, имеющей совсем иные задачи.

Главный вывод Рябова состоит в том, что консервативно настроенные властные элиты действуют в направлении архаизации сознательно, чтобы приостановить перемены. Однако с этим далеко не во всех случаях можно согласиться. И когда он говорит, что «появление социальной архаики в российском обществе явилось реакцией на неудачи модернизации конца 80-х — начала 90-х годов ХХ в.» [1, с. 4], он противоречит вышеупомянутому своему выводу. Разрушение многократно наращиваемых историей культурных слоёв (контрмодернизация — развал промышленности, экономики, сложившихся ценностей, тотальная реконвенциализация ценностной сферы и пр.) невольно погружало сознание людей в архаические пласты культуры, в архетипы коллективного бессознательного. Они были открыты К. Юнгом как человеческие первообразы (мать-земля, герой и пр.). Применительно к российской культуре, такие исследователи, как А. С. Ахиезер, А. П. Давыдов, К. Касьянова (псевдоним В. И. Чесноковой, переводчицы Т. Парсонса, специалиста по западной социологии, хорошо чувствующей национальную специфику), отмечали эмоционально окрашенный характер архетипического, на котором базируется архаика. У А. С. Ахиезера и А. П. Давыдова, как прежде у Н. Лосского и С. А. Аскольдова, к архаике относится расколотость, полярность российской культуры, затруднённость медиации или нахождения серединной культуры. У К. Касьяновой в основе национального характера лежит «некий набор предметов или идей, которые в сознании каждого носителя определённой культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций (“сентименты”). Появление в сознании любого из этих предметов приводит в движение всю связанную с ним гамму чувств, что, в свою

очередь, является импульсом к более или менее типичному действию. Вот эту единицу “принципиального знаменателя личности”, состоящую в цепочке “предмет — действие” мы впредь будем подразумевать под понятием *социальный архетип*» [2, с. 32]. В этой отличной от К. Юнга трактовке психологический характер архетипа делает его имплицитным моментом поведенческих кодов, что и составляет суть архаики.

В противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении с ней традиция более рациональна, более очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры её вытесняет архаика. При развитии культуры традиция вытесняет архаику.

Трудности, связанные с различием архаики и традиции, объективны, ибо при некоторых социальных и культурных сломах общество, теряя социальные устои и культурные ценности «оголяется» до тех психологических имплицитно присутствующих кодов истории, которые и являются архетипами. Они срабатывают на этапе становления народов и вырываются наружу при сломах их социальных и культурных основ. Традиции же, в отличие от архаики, осознаются, поддерживаются, хотя культурные и социальные сломы влияют и на традиции. Традиция может прерываться, уничтожаться, заменяться новыми. Следы её прежнего существования присутствуют, подобно архаическим началам, в скрытых формах, прорываются, выявляются или восстанавливаются при контрмодернизационных или модернизационных поворотах политики.

Отличие традиции от инновации тоже представляет собой проблему. В традиционных обществах, воспроизводящих себя на основе традиции, имеются инновации, но их действие поддерживается в обществе лишь до тех пор, пока они не ломают традиции. Развитие здесь является циклическим, т. к. рано или поздно инновация начинает казаться опасной для традиции и обрывается возвратом к ней. История здесь всегда берёт своё, не допуская чрезмерного уклонения от её сложившегося хода. В современных же обществах решающую роль играет инновация, допускающая традицию до тех пор, пока последняя не вредит инновации.

Отвечая на вопрос, как традиции существуют в современном обществе, особенно в обществах «позднего модерна», социологи, в частности, Э. Гидденс, указывают на возможность двух способов: они могут ясно выражаться, обсуждаться и выбираться, либо действовать по схеме фундаментализма — как шаблон истины безотносительно к последствиям. Но Гидденс считает современным первый способ, ведущий к диалогу традиций. Второй мы бы отнесли к действию архаики [см.: 3, с. 22].

Из представлений об архаике, традиции и инновации возникает острая полемика по поводу соотношения доисторического (неисторического), исторического (традиционного) и инновационного (современного). Западники считали Россию до Петра не исторической, азиатской. Славянофилы готовы были увидеть историческую Россию уже в древней архаике, не говоря уже о традициях её более позднего развития, пытаясь найти русскую идею, и отрицали время Петра за разрыв с нравственными основами прошлого.

Две периодизации российской истории

Среди периодизаций, существующих у выдающихся русских историков, обращает на себя внимание периодизация С. Ф. Платонова, который на основе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина выделяет такие этапы российской истории, как древний (от появления славянских племён до Ивана III); средний этап, следующий за этим (от Ивана III до Петра Великого); новый этап (от Петра Великого до начала XIX в.) [см.: 4, с. 457]. Как отмечает Платонов, «Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс — создание национального государственного могущества. К этому могуществу привёл Русь ряд талантливых деятелей, из которых два главных — Иван III и Пётр Великий — своей деятельностью ознаменовали переходные моменты в нашей истории и стали на рубежах её основных эпох — древней (до Ивана III), средней (до Петра Великого) и новой (до начала XIX в.)» [5, с. 19].

Ниже я приведу две таблицы периодизации истории, которые построены на основе двух различных критериев:

первая — на основе роста могущества государства, вторая — исходя из расселения народов. При этом будут отмечены периоды доминирования архаики, традиции или инновации на каждом этапе.

Таблица 1

**Периодизация русской истории
на основе критерия роста могущества государства
(Н. М. Карамзин, С. Ф. Платонов)**

Древний период (VIII–XIII вв.)	Средний период (XV–XVIII вв.)	Новый период (с начала XVIII в. до начала XIX в.)
Период с VIII в. до Ивана III	Иван III — вторая половина XV в. Иван Грозный — вторая половина XVI в. Алексей Михайлович — вторая половина XVII в.	Пётр Великий — начало XVIII в. Елизавета — середина XVIII в. Екатерина II — конец XVIII в.
Политическая раздробленность, родовой или общинный быт. Архаика	Московская Русь, собрание земель. Традиция	Императорская великая Россия. Господство традиций. Растущая значимость инноваций и вестернизации

Исходя из выдвинутого критерия — роста могущества русского государства, — данная периодизация не вызывает никаких возражений. В ней просматриваются и интересующие меня вопросы о роли архаики, традиции и инновации на каждом этапе. Правда, третий этап не представляется мне сугубо инновационным, вписывается в традиции России, несмотря на существенные изменения, что я попытаюсь показать ниже.

Другой выдающийся историк — В. О. Ключевский — берёт за основу периодизации русской истории главные моменты колонизации. Именно они, по его мнению, ставили «русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общежития» [6, с. 19]. Соответственно этому он выделяет четыре периода российской истории.

Первый период протекает с древнейших времен до начала XIII в. — Русь Днепровская, городова (расчленённая на

города. — В. Ф.). Господствующий политический факт здесь — политическое дробление под руководством городов. Главный экономический факт — внешняя торговля и необходимые для неё лесные промыслы.

Второй период — с середины XIII до середины XV в. — Русь Верхневолжская удельно-княжеская, вольно-земледельческая. Политическое раздробление как главный политический факт происходит здесь не между городами, а между княжескими уделами. Главный экономический факт — земледелие на суглинистых почвах — осуществляется вольными крестьянами.

Третий период — с середины XV в. до второй половины XVII в. — Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая. Отличается географическим расширением и политическим объединением вокруг Москвы. В сельском хозяйстве — продолжение земледелия на Верхневолжском суглинке, а также на чернозёмах во вновь приобретённых территориях вокруг Дона и на среднерусской равнине.

Четвёртый период — с середины XVII в. до середины XIX в. — Всероссийская империя, императорско-дворянский период, крепостное хозяйство, земледелие и фабрично-заводское производство. Расширение территории до Балтийского, Белого, Чёрного морей, Каспия, Кавказа и Закавказья, присоединение Малороссии, Белороссии, Новороссии. Бояре вытесняются военно-служилым классом — дворянством, порабощающим крестьян.

Очень важно то, какое значение Ключевский придавал последнему IV периоду русской истории. Пропустив время самозванцев как переходное между двумя последними периодами, историк отмечает, что IV период он исчисляет с XVII в. до середины XIX в., до начала царствования Александра II. «Этот период, — пишет Ключевский, — представляет особый интерес. Это не просто исторический период, а целая цепь эпох (которую мы ниже характеризуем в таблице периодизации по модернизационному критерию. — В. Ф.), сквозь которую проходит ряд важных фактов, составляющих глубокую основу современного склада нашей жизни... Это, повторю, не один из периодов нашей истории: это — наша *новая история*» [6, с. 508]. Историк говорит, что здесь мы начинаем узнавать самих себя, видеть свою собственную автобиографию. Сегодня, на мой

взгляд, мы начинаем её видеть с начала XIX в., о чём речь пойдёт ниже.

Таблица 2

**Периодизация истории России на основе расселения народов
и связанных с ним политических и экономических изменений
(В. О. Ключевский)**

I период С древнейших времен до начала XIII в.	II период С середины XIII в. до середины XV в.	III период С середины XV в. до второго десятилетия XVII в	IV период С середины XVII в. до середины XIX в.
Расселение народа вдоль Днепра. Главный политический факт — дробление земли под руководством городов. Главный экономический факт — внешняя торговля и лесные промыслы	Расселение народа вдоль Верхней Волги и её при- токов. Политическая раз- дробленность на княжеские уделы. Земледелие на су- глинистых почвах. Свободный кре- стьянский труд	Расселение на- селения на юг и восток, по донскому и среднерусскому чернозёму. Соеди- нение под властью московского госуда- ря. Государственное объединение Вели- короссии. Земле- делие свободных крестьян на черно- зёмных почвах	Выход к Балтий- скому, Белому, Чёрному, Каспий- скому морям, к Кавказу и Закавказью, присоеди- нение Малороссии, Белороссии и Новороссии. Создание Все- российской импе- рии с опорой на военно-служивых людей — дворян. Крепостное земле- делие, промышлен- ность, фабрично- заводское хозяйство
Русь Днепровская, городовая, торговая. Архаика	Русь Верхневолж- ская, удельно- княжеская, на- вально- земледельческая. Традиция	Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевла- дельческая. Традиция	Всероссийская императорско- дворянская, пе- риод крепостного хозяйства, земле- делия и фабрично- заводского хозяй- ства. Традиция, рост инноваций и ве- стернизации

Обе периодизации по вполне понятным причинам не завершаются у этих историков сегодняшним временем. История *государства*

Российского очевидным образом начинается у Карамзина с Петра как история *новая, современная*. У Ключевского же она есть история *не только государства, но народа, и новой* эта история становится примерно в тот же период, связанный с Петровскими реформами, несмотря на то, что Ключевский в значительной мере их критик.

Периодизация российской истории на основе модернизационного критерия

В то время как в Англии уже с XII в. действовал «Хабеас Корпус Акт» – первый в мире закон о правилах обращения с человеком, о его неприкосновенности и защите от произвола, Василий Косой в 1460 г. был пойман и ослеплён по приказу князя Василия Васильевича. За это Дмитрий Шемяка, друг Косого, ослепил князя Василия Васильевича, отца Ивана III, который стал из-за слепоты называться Василием Тёмным. Берсень-Беклемишев, крещёный татарин, боярин XVI в. критиковал жену Ивана III Софью Палеолог. За это ему отрезали язык. Опричнина Ивана Грозного. Жестокость Петра. Приход Екатерины к власти на штыках гвардейцев. Но и во Франции в 1572 г. произошла массовая резня гугенотов во время Варфоломеевской ночи. Правда, это была политическая борьба в отличие от архаически стереотипных психических реакций.

Избрав за критерий периодизации не рост могущества государства и не расселение народа, а способность его к модернизации, я модифицирую две предыдущие периодизации следующим образом.

Древний период – от образования славянских племён до Василия Тёмного.

Средний период – от Ивана III (конец XV в.), Ивана Грозного (вторая половина XVI в.), Алексея Михайловича (вторая половина XVII в.), Петра I (начало XVIII в.) до Елизаветы (середина XVIII в.) и Екатерины II включительно (конец XVIII в.).

Новый период – XIX в. От Александра I (начало XIX в.), Николая I (середина XIX в.) до Александра II (конец XIX в.).

Новейший период делится нами на две части.

Новейший период – XX в. Николай II (первая треть XX в.), большевики и коммунизм (последние две трети XX в.), антикоммунистическая революция (конец XX в.).

Новейший период — начало XXI в. Посткоммунистическое развитие, переход России к капитализму.

Ниже результаты исследования представлены в виде предлагаемой мною таблицы, в которой каждому из названных периодов будут поставлены в соответствие тип модернизационного развития и его связь с преобладанием либо архаики, либо традиции, либо инновации.

В древний период, признаваемый при разных трактовках, который некоторыми русскими историками рассматривался как период родового быта (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин) или общинного быта (К. С. Аксаков), развитие начал этого быта, состоящее в органическом переходе от родового быта кровно связанных племён и их союзов к государственному быту. Кровное отношение характерно для княжеских родов, где князья, соответственно своему месту в роде, считали управляемые ими земли и населяющих их людей своей собственностью. В целом древний период отличается чрезвычайным господством архаики и отсутствием выработанных традиций. Разложение родового быта совершалось, по мнению названных историков, путём перехода к семье. Междоусобица выделяет княжескую семью, эта семья начинает господствовать. На этапе перехода семейного быта в государственный кончается древний период. Кончается и то состояние, которое является преесторическим.

Средний период, с нашей точки зрения, начинается с Ивана III, сына Ивана Тёмного и завершается правлением Екатерины II. А Пётр Великий — только его кульминация. Принадлежность к общему срединному периоду российской истории (при первой периодизации) деятелей русской истории от Ивана III до Алексея Михайловича, выражение в их деятельности уже не архаики, а русской традиции, как правило, не вызывает возражений. Даже и те, кто обращает внимание на инновации, которые они произвели, не отрицают основополагающей значимости традиции для той эпохи. Ни С. М. Соловьев, ни Н. И. Костомаров не приписывают Ивану III особых личных заслуг, которые обусловили его достижения. Н. М. Карамзин же считает его реформатором, превосходящим Петра Великого ненасильственностью действий. Иван III объединил Русь в Московское великорусское государство. Во многом благодаря браку с Софьей Палеолог он

развил отношения с Западом. Возвеличил свою роль в стране до царской. Подготовил Судебник, определявший правила судопроизводства. При нём Русь обрела независимость — с монгольским игом было покончено. По мнению Карамзина, «отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической» [4, с. 457]. С Карамзина же начинается трактовка нашей истории как *истории государства Российского*, понимаемой так от правления Алексея Михайловича до Екатерины II.

Казанские походы Ивана Грозного и его внутренняя реформа 1550—1564 гг., улучшение Судебника, опора на выборных людей в судах в финансовом управлении, реформа местного самоуправления означали начало смены класса, на который опирался царь. Эта начавшаяся смена господствующего класса обрела кровавые формы: «опричнина получила значение политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства» [6, с. 359]. Стеснявшему Ивана Грозного правительственному классу — боярству — он противопоставил найденный в опричнине прообраз будущего дворянства, пытался найти альтернативу в идее служилых людей.

Князь Юрий Долгорукий говорил Петру Первому, что отец его Алексей Михайлович в ряде вопросов сделал больше, чем сам Пётр [см.: 5, с. 428—429]. Алексеем Михайловичем был создан Кодекс, который формировали выборные люди из 130 городов. Этот Кодекс был, по словам Платонова, «победой средних классов на соборе 1648 года» [5, с. 434]. Он произвёл серьёзные общественные преобразования. Алексей Михайлович умел сочетать стремление к заимствованию образцов с Запада, например, в образовании, с сохранением самобытности. Это не избавило его правление от столкновения национально-консервативных охранительных сил с прозападными, ещё не сформировавшимися в устойчивые группы. И позже не вполне ещё оформившиеся западники считали, «что если бы в период

культурного брожения в Московском государстве середины XVII в. московское общество имело такого вождя, каким был Пётр Великий, то культурная реформа могла бы совершиться раньше, чем это произошло на самом деле. Но таким вождём царь Алексей быть не мог» [5, с. 487–488]. Ни по характеру своему, – считает Платонов, – ни по времени своему, – полагают многие другие.

Важным вопросом имеющихся периодизаций российской истории, и в особенности предлагаемой мною, стало отношение к Петру Великому. Оно исключительно значимо для попытки построить периодизацию русской истории, связанную с модернизацией. Для одних он стал выдающимся модернизатором, отделившим новую современную Россию от древней (архаической) или *серединой (традиционной)*, особенно России Московского царства Ивана III, рассматриваемого славянофилами XIX в. как образец исконных русских традиций. Эта граница и определённость в истолковании «подлинно русских традиций» были полностью потеряны в псевдославянофильских исканиях конца XX в. после слома коммунизма. Никакая историческая эпоха не была представлена ими как её носитель. Императорский период XX в., на который иногда намекали современные славянофилы как на наиболее близкий исконно русскому, был на деле периодом капитализма, войн, революций, глубинных трансформаций и модернизаций, а следовательно, никак не представлял национальную традицию в её устойчивых формах, близких к архетипу и архаике. Но, как отмечал С. Платонов, и прежде славянофильство «оставалось верно своей метафизической основе, а в позднейших представителях отошло от исторических разысканий» [5, с. 31].

Петра Первого при этом возвеличивают очень многие – ранний Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв особенно. Первый, однако, постепенно понимает высокую цену его преобразований и считает, что им стоило быть более медленными и более продуманными. Второй же сообщает, что реформы Петра не проросли всю толщу общества, ибо нравы народа указами не изменишь. Вопрос о том, с Петра ли началась российская современность в отличие от прошлого, истории, получает у этих авторов двойственный ответ – даже у Соловьёва, который восхищён Петром и героизирует его. Но мне кажутся наиболее

убедительными доводы В. О. Ключевского, который оспаривает упрощённую систематизацию российской истории в её разделении на Русь *древнюю, допетровскую* и *новую — петровскую и послепетровскую* [см.: 6, с. 876]. Именно эта периодизация кажется мне несостоятельной, исходя из модернизационных критериев, хотя она вполне удовлетворяет как критерию значимости государства Карамзина, так и критерию завершения расселения русского народа и образованию Российской империи Ключевского.

Приведём некоторые цитаты Ключевского. «Я сделал далеко не полный очерк преобразовательной деятельности Петра, не коснулся ни мер по общественному благоустройству и народному образованию, ни перемен в понятиях и нравах, вообще в духовной жизни народа. Эти меры и перемены или не входили в круг прямых задач реформы, или не успели обнаружить своего действия при жизни преобразователя, или, наконец, почувствовались только некоторыми классами общества... реформа по своему исходному моменту и по своей конечной цели была военно-финансовая, и я ограничил обзор её фактами, которые, вытекая из этого двойственного её значения, коснулись всех классов общества, отозвались на всём народе» [6, с. 876].

Данный критерий реформы — её значимость для общества в целом, для населения страны Ключевский считает основополагающим. И уж если страстный поклонник Петра С. М. Соловьёв указывает, что его реформы не проросли общество, то Ключевский оценивает его деятельность без всяких прикрас: «...как Пётр стал преобразователем?.. Пётр Великий и его реформы — наше привычное стереотипное выражение. Звание преобразователя стало его прозвищем, исторической характеристикой. Мы склонны думать, что Пётр I и родился с мыслью о реформе, считал её своим провиденциальным призванием, своим историческим назначением. Между тем у самого Петра долго не заметно такого взгляда на себя. Его не воспитали в мысли, что ему предстоит править государством, никуда не годным, подлежащим полному преобразованию (Алексей Михайлович умер, когда Петру было 4 года и ничему его не успел научить. — В. Ф.)... Он вырос с мыслью, что он царь, и притом гонимый, и что ему не видеть власти, даже не

жить, пока у власти его сестра со своими Милославскими... всё, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой... Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности» [6, с. 880]. Его отдельные мероприятия, нередко задуманные между походами, не сложились в ясную модель развития и не устранили, а усугубили то, то Ю. А. Пивоваров и А. И. Фурсов назвали «русской системой» – системой «власть – народ» без посредствующих их отношений общественных звеньев.

Сходно мыслит и С. Платонов: «Так рядом с борьбой семейной, политической и церковной в конце XVII в. разрешился вопрос о форме воздействия на Москву западноевропейской культуры. Разрешили его те влияния, под которыми Пётр находился в годы отрочества и юности» [5, с. 552], т. е. военные забавы, интерес к кораблям, к мастерству, к технике.

При всей чрезвычайной инновативности, Пётр унаследовал и укрепил властную систему абсолютистского государства, решая задачу защитить Россию от возможной колонизации со стороны Запада, неожиданно ставшего чрезвычайно сильным в ходе собственной модернизации. Английский историк А. Тойнби считал, что «функция “внешнего фактора” заключается в том, чтобы превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций» [7, с. 108]. Согласно концепции «вызова-ответа» вызов – это прежде всего то внешнее воздействие, которое способно создать в стране внутренний импульс собственного развития.

Первый вызов, который испытала Россия, – природный. Она не могла поставить в соответствие суровости природы интенсивное хозяйствование и пошла по экстенсивному пути – расширению земли, единственно возможному для традиционных обществ, и коллективным формам деятельности и сознания.

Дальнейшие вызовы последовали из Азии (Монголии) и с Запада (его форпостов – Польши и Швеции). Российской цивилизации пришлось осуществить консолидацию

в ответ на вызов Азии и самоидентификацию, отличную от монгольской — закрепление своих духовных (православие) и хозяйственных достижений (осёдлого земледелия). Недостаток внимания завоевателей к идейной стороне дела, завоевание с целью собирания дани, способствовал собственному развитию русской духовности и культуры даже и в условиях неволи.

Ответить на вызов Запада Россия могла, достигнув мощи, которая не позволила бы Западу сделать её колонией [см.: 8], а впоследствии осуществить поворот к Европе со стремлением к духовному и материальному развитию по западному образцу (христианство, светская культура, промышленность). Вызов со стороны Запада (со стороны Польши и Швеции) Россия испытала в XVII в.: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Пётр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили своё значение в результате контрудара, искусно нанесённого западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию» [7, с. 147–148]. Тойнби тем самым показывает, какие реальные военные угрозы пытался предотвратить Пётр, обратившись на Запад за новыми вооружениями и техникой. Появление Запада как более развитого и сильно изменившего свой менталитет в результате модернизации образования оказало на мир огромное влияние. С его появлением история превратилась во всемирную. Запад показал миру новые возможности, воззвал мир к новому виду пафоса, включавшего в себя идею быстрого развития, самостояния, свободы. С появлением современного, вступившего в Новое время Запада, очевидные различия незападных стран оказались в значительной мере стёртыми их общей непохожестью на Запад. Последний настолько отличался от других регионов мира, что стало возможным говорить о незападном мире. Западный мир был небольшим и чрезвычайно динамичным, полностью изменившим свою прежнюю, сходную с другими народами «средневековую при-

Таблица 3

**Периодизация русской истории
на основе модернизационного критерия**

Древний период, VIII – XIII вв.	Средний период, XV – XVIII вв.	Новый период, XIX в.	Новейший период, XX в.	Новейший период, XXI в.
Родовой быт, общинный быт	Иван III – конец XV в. Иван Грозный – вторая половина XVI в. Алексей Михайлович – вторая половина XVII в. Пётр Великий – начало XVIII в. Елизавета – середина XVIII в. Екатерина II – конец XVIII в.	Александр I – начало XIX в. Николай I – середина XIX в. Александр II – конец XIX в.	Николай II Большевики и коммунисты 1917 – 1991 Антикоммунисты 1991 – 2000	Строители капитализма в России и других западных странах
Архаика	Традиция, традиционное общество, появление инноваций, традиция и модернизация как обновление, создание новых институтов, заимствование технологий Запада, вестернизация. Принадлежность эпохи к истории	Инновация, догоняющая модернизация. Принадлежность эпохи современности	Догоняющая модернизация. Посткоммунистическая демократизация	Национальная модель модернизации. Новое время для западных стран

роду». Незападный мир был огромен, многообразен, но един в своей незападности — в меньшей скорости своего развития, в недостижимости для него новых черт сознания — индивидуализма, свободы, веры в науку, нового психологического склада, включающего оптимизм, уверенность, полагание на собственные силы.

Незападные страны не могли не ощутить своей отсталости, того, что направление движения задаётся Западом, одновременной привлекательности Запада и исходящей от него опасности для их традиционного существования. Вызов Запада предстал как вызов современности прошлому. Он был в идее прогресса, утверждавшей в теории то, что уже начало осуществляться на практике — общую линию развития по пути, предлагаемому лидирующим Западом.

Но Ключевский весьма скептичен и в оценке отношения Петра к Западу. Западная Европа, скорее всего, была для него учителем, у которого он перенимал знания в области математики, естествознания, кораблестроения, мореплавания, финансов, но которая не была для него образцом и не интересовала его с точки зрения её социальных ценностей и модели человека, которая там утвердилась. Это был учитель, научившись у которого, можно было с ним расстаться. Он приводит пример, как в 1697 г. под прикрытием посольства Пётр под вымышленной фамилией стал участником «секретной воровской экспедиции с целью выкрасть у Западной Европы морской техники и технического знания. Вот для чего была нужна Петру Западная Европа. Он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о душевных её отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство» [6, с. 885].

К Западу он обращается, чтобы освоить его технические и военные достижения и, в конечном итоге, защитить Россию от Запада, от возможных попыток колонизировать Россию. Но именно факт спасения России от колонизации и обеспечения её независимого развития составляет величайшую заслугу Петра.

В итоге Ключевский делает вывод: «Реформа, совершённая Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать

ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в...государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в неё новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоёванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных в нём сил... Она (реформа. — В. Ф.) была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приёмам... Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью» [6, с. 889–890]. Образование, наука, за которые ратовал Пётр, плохо сочетались с несвободой и деспотизмом. В плане отношения со старой Русью, Ключевский уверен в сохранении основных прежних элементов власти и общественного строя. Не имея старых юридических оснований удельного владения землей в связи с утратой её вотчинного характера и боярских привилегий, Пётр не только сохранил прежнюю власть, но и расширил её путем ликвидации боярской Думы и отмены патриаршества. Пётр разделил роль государя и государства, и они, — пишет Ключевский, — были, как домохозяин, который юридически сливается со своим домом [см.: 6, с. 883]. Государственные интересы Пётр ставил выше всего. Переход власти стал осуществляться не от отца к сыну по завещанию, а по соборному избранию. Но крепостная Россия расширила число людей, которые имели тот статус. И Ключевский утверждает, мне кажется, вполне оправданно, что, не трогая порядка старой Руси, «старых основ и внося новых, он либо довершал начавшийся в нём процесс, либо переиначивал сложившееся в нём сочетание составных частей», в результате чего «московское законодательство XVII в. вышло из реформы с более резкими и округлёнными сословными очертаниями, а каждое сословие с более осложнённым бременем повинностей на плечах» [6, с. 884].

Подобно этому Н. И. Костомаров считает, что превосходство в уме и трудолюбии над другими правителями Европы могло бы преобразовать Россию в лучшее общество, чем это удалось Петру, который в нравственном отношении не представлял собой положительного примера. «Зато и обще-

ство, которое он хотел пересоздать, возникло не лучшим в сравнении с теми обществами, которыми управляли прочие Петровы современники. До Петра Россия погружена была в невежество и, хвастаясь своим ханжеским обрядовым благочестием, величала себя “Новым Израилем”, а на самом деле никаким “новым Израилем” не была. Пётр посредством своих деспотических мер создал из неё государство, грозное для чужеземцев войском и флотом, сообщил высшему классу её народа наружные признаки европейского просвещения, но Россия после Петра всё-таки в сущности не сделалась “новым Израилем”, чего ей так хотелось до времен Петра» [9, с. 766]. Последователи Петра, пережившие его, отмечает Костомаров, запутались в распрях, полностью признав полезным безнравственное. И всё же, он считает в нём нравственными любовь к России, желание сделать её лучше. С горечью вновь звучит мысль, что диктатура пытается поднять к лучшему народ, не сознающий своих интересов: «За любовь Петра к *идеалу* русского народа (курсив мой. — В. Ф.) русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради того идеала простит ему всё, что тяжёлым бременем легло на его памяти» [9, с. 766].

Здесь зреет историческая традиция и начинается модернизация, которая состоит в появлении инноваций, обновлении, создании новых институтов, заимствовании технологий и вооружений Запада, вестернизации. Ещё раз обратимся к Платонову: «Когда преобразования Петра Великого окончательно определили новый государственный и общественный порядок, Российская империя получила вид типичного для этой эпохи “полицейского государства”, послужившего формой для “просвещённого абсолютизма” Петра... установив особое “крепостное право” государства на жизнь и труд всех сословий одинаково. Не было ни сословного права, ни сословных льгот, были только сословные службы и сословные повинности. Ими определялись положения в государстве общественных групп и отдельных лиц» [9, с. 862] http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8735-rossijskaya-istoriya-v-zerkale-modernizacii.html - _ftn28.

Екатерина пришли к власти на штыках гвардейцев. Елизавета чтит память Петра и его достижения. Екатерина II

была просвещённой императрицей. Её переписка с Вольтером и Дидро делала её в глазах общества склонной к либеральным идеям, которые ей однако трудно было провести на практике, не подорвав своей социальной базы в дворянстве. Размышляя даже об отмене крепостного права, Екатерина II не могла вступить в противоречие со своей опорой — дворянством и, при всей неэффективности крепостного хозяйства, сохранила тот институт.

Деятельность её характеризуется укреплением традиций, которые относят её к истории, а не к современности. Как справедливо показывает Платонов, политика Екатерины II «была прямым продолжением и завершением тех уклонов от старорусского строя, какие развивались в XVIII», и всё же «Екатерина — традиционный деятель, несмотря на отрицательное её отношение к русскому прошлому, несмотря, наконец, на то, что она внесла новые приёмы в управление, новые идеи в общественный оборот... Историческое значение екатерининской эпохи чрезвычайно велико именно потому, что в эту эпоху были подведены итоги предыдущей истории, завершились исторические процессы, раньше развивавшиеся» [5, с. 257–258].

Мы объединяем всех этих деятелей российской истории выделяемого нами второго периода как связанных русской традицией, которая, несмотря на начатые Петром Первым инновации и последующую деятельность Елизаветы и Екатерины, оставляла их в русском традиционном обществе, в истории, ещё не ставшей современностью.

Новый период наступает в XIX в.

Война с Наполеоном, а затем союз с ним и сделали Александра I важной фигурой европейской политики, а Россию европейской державой с международными обязательствами. Отечественная война 1812 г. вновь столкнула Александра с Наполеоном, включила его в коалицию Западных держав, борющуюся с ним. Русские увидели Париж. Мост Александра в Париже в камне запечатлел пребывание русских в этом городе. Два русских течения — славянофильство и западничество, питаемые немецкой метафизикой, для одних в плане подражательного обращения к русской «почве», для других в признании немецкой «почвы» наиболее высоким образцом, — по-

полнились теперь повседневным западничеством разговоров аристократии на французском, светскими беседами дворян, постепенно становящихся ещё с XVIII в. не военно-служилым, а праздным классом, интересом к Франции и её идеям. Т. Веблен, американский социолог, увидел ранние пороки капитализма в Америке конца XIX – начала XX в. в превращении буржуазии в праздный класс, написав книгу с одноимённым названием. Эти карикатурные превращения мы видим и в посткоммунистической России. Но праздность дворян и их повседневное псевдозападничество, ставшее одной из ужасающих причин российского революционаризма из-за следования моде, почти смехотворны: «Положение этого класса в обществе покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем; с рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к французскому гувернёру, довершал своё образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретённые понятия в столичных гостиных... С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской древне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, – всё было чужое, всё привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьёзного дела, ибо... ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьёзной работы... чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нём видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза» [6, с. 1099].

Стремление Александра I к быстрым реформам по проекту М. М. Сперанского было приостановлено запиской Н. М. Карамзина «О древней и новой России» (историки в ту пору советовали государям). Карамзин предупреждал против механической пересадки в Россию нового опыта, подрывающего дворянство, а вместе с этим самодержавие и Россию. Неохотно согласившись с ним, Александр I приостановил реформу, а в конце своего правления перешёл на консервативные позиции перед угрозой растущего революционного движения. Царю, как и растущему революционному движению, присуща

постоянно возобновляющаяся в России вера, что всё дело в правлении, и прочие черты общества немедленно исправятся изменением политики.

Николай I убедился в том, что революционное движение, развившееся в стране при Александре I, направлено не против отдельных правителей, а против основ российского правления, против порядка, основанного на крепостничестве. Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. показало ему, что «представители сословия, достигшего исключительных сословных льгот, теперь проявили стремление к достижению политических прав», – пишет Платонов [5, с. 801].

Цели XIX в. в России объективно состояли в достижении равенства сословий и их участия в жизни общества. Но выступление декабристов историки сравнивают с гвардейскими переворотами, направленными на захват трона. Среди декабристов было много офицеров, участников войны 1812 г. Пытаясь притязать на трон, на выдвижение на царство Константина Павловича, на деле они подорвали сословное преимущество своего класса и дали дорогу буржуазии. Дворянство переставало быть опорой власти. Росла реакция. Недовольство существующими порядками и объективную необходимость перемен продемонстрировало поражение в Крымской войне.

Александр I и Николай I столкнулись с острой необходимостью общественного переустройства, на которое решился Александр II. Вопрос об освобождении крестьян, о всесословности и совместном действии прежде разделённых сословий был им решен. Освобождение крестьян и введение земств было способом решения проблемы. Отмечая выдающиеся заслуги императора, Ключевский указывает и на третью задачу, которая была им разрешена: напитавшийся чужими идеями и нравственными побуждениями с XVIII в. русский ум оказался оторванным от русской действительности. В XVIII в. этот ум смирялся с противоположностью идей и действительности. В начале XIX столетия этот ум осознал, что надо привести к согласию идеи и реальность, но не нашел способов решить проблему. Ни славянофилы, ни западники не нашли подходов к решению вопроса о соотношении идей и действительности. Но «со временем этих великих реформ (Александра II. – В. Ф.) русский ум становится в другое отношение к окружающей

действительности, в то, в каком мы стоим теперь. *Русская жизнь стала передвигаться на основании, общем с теми началами, на которых держится жизнь западноевропейских обществ*» [6, с. 1179] (курсив наш. — В. Ф.) Но, — предупреждает историк, — при том надо действовать своим умом, прилагая западные идеи к другой реальности, а не навязывать ей заученные клише.

Ещё лучше сказал С. Платонов: «В условиях рождения этих всеобщих учреждений 1860-х годов кроется начало нашей *современности* (курсив наш. — В. Ф.), то есть тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность, занятая мучительными поисками новых форм общезжития, которые привели бы Россию к гражданской правде и социальному счастью» [5, с. 860]. С Александра II Запад становится для России образцом развития; идея приблизиться к нему — догоняющей моделью модернизации; индустриализация, капитализм — целью, которую надо выполнить.

В XX в. Россия вступила с этими заветами, о чём свидетельствовали политика С. Ю. Витте, быстрый рост капитализма и индустриализации. Но поражение в русско-японской войне, неудачи Первой русской революции, ошибочное вступление в Первую мировую войну, новая неудача Второй буржуазной революции привели к революции социалистической как обходному пути индустриализации и догоняющей модернизации, снова с применением насилия, но со старыми целями поднять и защитить страну, с новой ориентацией на передовое на Западе, но с учётом собственных возможностей.

Я много писала о догоняющей модели модернизации, о её реализации, в России, в том числе и коммунистической¹. Индустриализм осуществился в двух формах — капиталистической и социалистической. Коммунизм дал вариант догоняющего развития.

И, наконец, новый век, давший России демодернизацию под флагом модернизации в 1990-е гг., повторяя неудачи двух других буржуазных революций. Глобализация как новый мегатренд, сменяющий модернизацию, потеря Западом статуса образца развития, многообразие моделей модернизации, решающих

¹ Сошлюсь на книги, где этот вопрос подробно рассмотрен: [10, с. 50–63, 101–109; 11].

собственные задачи многих незападных стран на определённом уровне вестернизации, получивших название национальной модели модернизации. Россия, Китай и другие незападные страны движутся сегодня в этом русле. Наступило новое Новое время для незападных стран [см.: 12, с. 536–566; 13].

Русская система и ответственный класс

При всех трёх периодизациях русской истории оказалось невозможным выйти за концептуализацию русской истории как истории государства Российского. Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов, как уже было отмечено, обозначили это как «русскую систему»: «власть – народ». И она воспроизводится. Обычно это трактуется как отсутствие гражданского общества и активных звеньев политики, помимо власти. Но, пережив ни один распад властных систем, Россия обнаружила и другую сторону этой системы: народ выживал самостоятельно, проявив себя как источник спонтанности. Власть же – источник пафоса, целей, реальной политики, ограничитель спонтанности. На Западе между этими составляющими действительно существует гражданское общество. Русский мир – это система «власть – народ», взятая в метафизическом, религиозном и ценностно-культурном смысле. Источником метафизического восприятия русской жизни, русской нации, понятой не этнически, а как граждане России, является народ. Эта метафизика состоит в признании жизненной силы нации и её спонтанности. Как раз отсутствие гражданского общества во всех смыслах (самоорганизации для контроля над государством, позднее и для контроля над бизнесом, плюс ещё более позднее – взятие на себя части государственных функций) создает спонтанность, характеризовавшуюся Ф. М. Достоевским как живое присутствие Бога на земле и детскость как мораль душевного, эмоционального мира, а не рассудка и не разума. В этом корень преступления Раскольникова, который, потеряв мораль эмоций, не нашел её в разуме. Русским приписывают мироотреченчество, стремление к справедливости, фатализм, вселенскость, совестливость, стыд – кажется один из немногих народов, у которых есть стыд (на Западе – вина), совестливость (Бог в человеке, соединяющий сущее и должное), победное чувство вместо достижения (Л. Липовая), ценностно-

рациональную, а не целе-рациональную ориентацию, метафизическую лень Обломова.

Наряду со спонтанностью народа, исследователи отмечают характерную для традиционного общества стереотипизацию поведения каждого человека, т. е. воспроизводство традиций, правил, которые мы обозначили как архаику. Человек в традиционном обществе делает то, что требует культура (К. Касьянова). Поступая, как принято – по программе действия, данного своей культурой, согласно этой точке зрения, – русский достигает большего, чем действуя по чужим правилам. Трагедия Раскольникова – это трагедия восприятия русским европейского мира, русское освоение черт умственной жизни – умения, планирования, умысла, замысла, релятивизма, рационализма, субъективизма, индивидуализма, – построенное как отбрасывание российской спонтанности и совестливости. Раскольников – первый русский, искажённый европейскостью. Напомним лекции Хайдеггера о Достоевском, о книге Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский» – любимой книге на Западе, о М. М. Бахтине. Они дают понять, что Раскольников, кажется, вышел к схемам деятельности, не принятым в метафизике русского мира. Как совместить высоту метафизического русского мира с его эмпирическим безобразием? Как во всех традиционных обществах это совместимо, ибо неискущённость в выборе между добром и злом, поиски абсолюта толкают к крайностям, детство, спонтанность толкают к ним.

Со времён Александра II Россия стремилась быть похожей на Запад и изживала свои комплексы, даже в советский период. Новая революция 90-х вернула русскую систему. Проявилось то, что отсутствует среди её идей – архаизация, демодернизация, анархизация – самопомощь и кооперация, бунт, клановость. Но капитализм утратил теперь метафизические начала, хотя его и стали делать по-русски. Можно ли построить капитализм, сделав русского американцем или западноевропейцем? Нет. Можно ли, оставляя его русским? «Нет», – считал М. Вебер, изучив русскую революцию 1905 г. «Да», – говорится в национальной модели модернизации. Например, при применении капитализма как экономической машины, как мерседеса с сохранением культурных особенностей страны (автохтонный капитализм). Или признав, что незападный мир вступает в своё Новое время.

Таким образом, «русская система» теряет свои обвинительные оттенки в отношении российского общества.

Кроме того, идее гражданского общества нашёл русский эквивалент в концепции супругов Елисеевых, концепции ответственного класса [см.: 14]. Авторы полагают, что система «власть — народ» не могла бы работать, не имея власть того класса, который, поддерживая власть и получая за это определённые привилегии, не стремился бы к тому, чтобы выразить общий интерес. Они приводят в пример сибирских купцов, которые отвечали не только за собственные торговые интересы, но и за освоение новых земель. Монастыри в Поволжье занимались широкой хозяйственной и проповеднической деятельностью. Казаки на окраинах государства должны были защищать его от нападений недружественных народов. Для приведения государственного аппарата в действия нужны были слои, способные это осуществить. Ответственный класс, по их мнению, — это управляющий класс. Огромный служилый класс воспринимал себя как класс ответственный. Эта концепция расширяет стратификацию общества, пополняет социально-стратификационные представления (элита, власть, бюрократия и др.) понятием «ответственный класс», которое станет объединительным для разных слоёв общества на основе ответственности за судьбу страны и будущее демократии; характеризует способность власти учесть интересы каждого посредством системы компромиссов. На Западе ответственный класс всё больше и больше требовал от власти поделиться с каждым долей властных полномочий. В России этого характерного для Запада постоянного процесса до сих пор не наблюдается. В течение нескольких дней династия Романовых в феврале 1917 г. покинула трон, не оставив взамен никакой системы и предоставив жителям страны найти самим способы управления. Последовала гражданская война и жесточайший выбор между национальным и социальным.

По существу, в предложенных периодизациях народ или ответственный класс имплицитно присутствует. Последний присутствует до тех пор, пока способен сочетать свои интересы с общим благом — бояре, дворяне, буржуазия приходили и уходили с исторической сцены, когда их корпоративный интерес превышал стремление к общему благу и модернизации страны. А «русская

система» тоже присутствует, но на коротких дистанциях, когда власть теряет массовую опору и рычаги управления.

Литература

1. *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working Paper. М.: Московский центр Карнеги. 2008. № 4.
2. *Касьянова К.* К вопросу о русском национальном характере. М.: 1991.
3. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамика. Под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008.
4. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: Эксмо, 2009.
5. *Платонов С.* Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2008.
6. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2009.
7. *Тойнби А.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1996.
8. *Уткин А. И.* Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1997.
9. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2009.
10. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.
11. Образы России в XXI веке. Модернизация и глобализация. Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2002.
12. *Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Г.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция, 2008.
13. *Уткин А. И., Федотова В. Г.* Будущее глазами Национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года. Изменившийся мир. М.: Институт экономических стратегий РАН. Международная академия исследования будущего, 2009.
14. *Елисеев Г., Елисеева О.* Ответственный класс в России // Социальная реальность. 2007. № 8. С. 54–74.